

Вс высоко подняты корабтик красной бороды. Ветер в ладошки. Вот-вот кораблик опрётся на волнах, как страшно смотрит! «Маме, они утонут!» — громким шепотом спрашивает мальчик. Но нет, даже стихия подчиняется воле мужественного человека, буря утихает.

Но не утихает захватывающий миг в зале.
«Кораблик» сделан из двух закрепленных за стержень разноцветных плащей. Волны — стремительное варчание в руках актеров бело-синих зонтиков, нарастающие бури — мечется в танце актриса в черном плаще. Но ощущение грозной опасности захватывает человека в зале, и тревога за героев самая неподдельная, настоящая. На сцене Магнитогорского театра кукол «Буратино» идет «Айболит притиз Бармалаев».

Таких мальчишек, что трагедию спрашивают между зонти утонуть, здесь не видно. У большого школьника — днем. Вечером спектакль смотрят старшешкляссники, студенты, учителя. Утром смотрят спектакль, как школьники, увлеченные взрывом детских эмоций, восторгом, удивлением, а потом, когда бы, смотреть надо уже спокойнее, потому что приключенья. Ничуть не бывало. Хотела профессионально сравнить детскую и взрослую реакцию — где там, позабыла о своих замислах, увлекалась уже знакомым спектаклем.

На мой взгляд, это своеобразный спектакль, потому что он исполнен страстным неравнодушием.

Очень хотелось понять, кем живет сегодня Магнитогорский театр «Буратино». После этого спектакля ни его главному режиссеру, ни актерам. Все и так было известно.

Театр «Буратино» (ны, вероятно, можно бы назвать «Театр кукол») родился совсем недавно — он начал свой четвертый в жизни сезон. Годна два года назад, в декабре 1973 года, мы рассказывали о его первых спектаклях. Даже страшно вспомнить, какой талант творчеством и талантом — высокой ноте — сумел ли он удержать эти высоты не в подеме праздничных торжества, а в буднях поисков? Укрепил позиции театра, Сталинский же изданием тогдашние догадки.

Будни — это будни, известное искусство. Для зрителя каждая встреча с талантливым театром — радость. Для театра всякая встреча со зрителем — экзамен. Бывают экзамены легкие, бывают трудными. Одни надо сделать поскорее, другие удержать у себя. Перед другими ужасно получить сдачи. А если экзамены каждый день? Или по два в день? Вот это и есть будни театральной. Какой-то спектакль экзамена как будто не выдерживал — во втором случае прошел не так хорошо, как хотелось бы. Завтра он пройдет лучше — или даже сегодня вечером. Это в театре бывает. Ты приходишь в мир чудес — смотришь знакомую-признакомую сцену, и вдруг оказывается, что увлекательную историю про приключения, романтику морских просторов, про пиратов или... Словом, театр открывает тебе возможность пережить приключения Буратино или доктора Айболита, или мальчишки Кашпарика. Но не только это: театр тебе открывает себя, свою сущность. Ты становишься добрее или менее понимаешь, понимаешь то, что прежде не понимал в жизни, в себе, в людях. И неважно, сколько тебе лет — десять или сорок пять: ясно, что театр открывает тебе себя. Все так и есть: только чудеса делают добрые волшебники — артисты. Тебе раньше казалось, что они необыкновенные, особенные, но театр «Буратино» не раз и не два обратил твоё внимание на

человеческое лицо артиста, лицо без маски и без грима, лицо, не спрятанное за ширмой. И ты увидишь в этом волшебника человека, увидишь невозможность его пристрастных жизненных оценок.

А вот это уже позиция — театра и его главного режиссера Виктора Шраймана.

О спектаклях театра «Буратино» много пишут: из реальных конфорденций, на страницах печати, в университетской среде. Поводом для спора немало: театр принципиально отказывается от сытого, правдоподобия, хорошею его или плохо? Вот в спектакле «Ветер», где обманываются ожидания (о мечте, о море, об опасностях и героических рещонках) герои — куклы, не похожи на людей: тело Русланово сделано из рулонного колера, голова — из пластика, а у одноплавого пирата нос — ножки, глаза — рыбачки, которую расколдовала волшебница Катя, глаза — два золотых яйца, одежда — из маршевой ваты. Ну, а герой — у него и

лицо. Кукла живет по своим законам — поэтичная ветхость, и см, зрители, смми образности и той змиссией волшебные черты. А кинематографу приходится обмануть с помощью кинолент: представляю себя высоко трансформированного героя остра и зритель. Милер деловит отличить куклу, но деловит и улыбка, и рожица, смм в лицо. Ему необходимо пластика, как в саплате, умение двигаться своим телом — смм у детей, голосом — как в те времена, когда бы был спрлтам за ширмой и голос бы единственной см средством выразительности. А еще ему необходимо умение общаться с залом, то есть моментальная реакция, искусство импровизации. Вот к какому актер нужен театр «Буратино» — актер — универсал! Теперь ясно, почему три года театр таких актеров ищет.

Представьте себе, что Евгений Терлецкий в «Буратино» играет Петра — трлщичую куклу, да очень разных человеческих роли: старика Днузопле и поддвдв пидвк Чаромера и еще старшего Дузопугая Вавилона! А в «Айболите» у него непрлжанный ритм

нами характер современного молодого положительного героя, интеллигента и воистинствующего гуманиста — вот это что в спектакле выражает такую привлекательный образ Айболита.

Васной нынешнего года театр привнес на смот в Челябинск спектакль «Оубой шевалье». Владимир Шульга играл роль маршала Риквеса Джона, человек шедрой души (Сюжет так был куклолный, В. Шульга общался с куклой превосходно). Теперь обнаружилось что у актера есть своя тема в искусстве.

Вероятно, не все актеры этого театра умеют работать так же успешно в разных жанрах, как Евг. Терлецкий. Но вот в «Айболите» просто не было слабых работ, и было очень интересно познакомиться с Л. Ключиной, С. Мудревой, А. Давыдовой, С. Турчиновой, В. Тимофеевой. А в замыслах театра так много разрабатывается и очень трудных задач для каждого из актеров. Хочется верить, что любой из них откроется неповторимо. Мне нравится, что их ждут все более трудные поиски, например, в спектакле «Маугли» или в Грмх мультитерапии, которые уже готовятся к постановке. Новая стилистика, новые изобразительные средства — все для того, чтобы иметь возможность говорить с ребятами о том, что их, актеров, по-человечески больше всего волнует.

А их волнуют многие вопросы: опасна ли обывательность? Что значит мыслить современной? Какой должна быть добротная пассивная или воистинствующая? Что такое земная радость бытия — как воплотить в жизнь мечту?

За два года, видимо, выросли и зрители этого театра. Помню, в прошлый мой приезд в Магнитогорск в спектакле «Сэмбо» я видела блестящую работу Евгения Терлецкого в труднейшей роли Шкалала. Дети сразу поняли, что он предатель. В Шрайман спршивал у них тогда: «Вы заматили, хорошо играл артист Шкалала? Дети были удивлены: Шкалале они не знали. Терлецкого спрашивал, нравятся ли им артист. Теперь им не надо объяснять, кто играет превосходно, они сами говорят об этом, пишут в отзывах, в классных сочинениях. Дети свободнее стали читать мариово, разглагольствую и художественное мышление, они умеют фантазировать, умеют и заметить, как и открывается и закрывается голубая жемчужина, она была, как живая, потому что «ве раковой» были ладони (каждый класс). Дети говорили, что «куклы не могут играть в другом спектакле, потому что у каждой куклы свой характер» (пять класс). Даже самые маленькие преддумывают, как можно выиграть Лису (спектакль «История Золушки») и как спрашивал: «Как ты помогал героям спектакля вырваться из беды гусенка?».

Несомненно, театру можно предвещать и ряд претоний — это и делают критики. Мне же хочется пожелать театру более тщательно заботиться о тех спектаклях, которые заведомо не являются программными, а таких ведь большинство. Мне бы хотелось больше театральности в спектаклях для самых маленьких.

Наверное, надо создать условия для того, чтобы молодые актеры догоняли уже опытных мастеров. Но все это театр знает и без подсказок, а роста без издержек не бывает. Просто театр талантлив, а у такого коллектива каждый проследит заметнее, чем там, где живут без открытий. Только не будем списывать слабости задо на издержки поисков: ведь поиск — это нормальное состояние театра «Буратино».

М. СТУДЦ, ст. преподаватель Челябинского института культуры.

О спектаклях Магнитогорского кукольного театра «Буратино»

воле голова сделана из мокрого нитката. А почему это плохо? Конечно, безусловно плохо! Их не раз спрашивали, где вы они поняли и запомнили, отвечают точно и бодро, конечно, запомнили всех героев по имени и вполне убедительно объясняют, почему мушкетер Марк Борнштейн для игры в море и лирику сделал куклу из ваты, а злод, напомним о море. Выгодно ли это детям? Конечно, выгодно лучше и ярче многих взрослых.

А вот еще повод для споров: в кукольном театре родился спектакль, в котором, вообще говоря, хорошо, а почему это плохо? Ответить на этот вопрос нельзя однозначно. Так было бы и в театре, где этого потребовал материал пьесы и сценария, написанного в былые времена. В театре «Буратино» и раньше шли от требований материала. Вот спектакль «Ветер» Шраймана — есть три группы персонажей: куклы, люди, их животные. Естественно, что для каждой группы театр хочет найти специфическое образное решение, тонкие характеристики. Это лишь на первый взгляд кажется, что такое решение не так легко найти. В спектакле «Ветер» спектакль. Вспомнишь, что такое «Ветер» — спектакль, который «Буратино» отнюдь не первый ладил, на чью сцену было много бурное и яркое выразительных средств. Сегодня это и явлено, сейчас очевидно, в одном спектакле соединяются разные стили, разные образы, разные персонажи. Маленький магнитогорский зритель очень удивился, когда ему бы рассказали, что совсем недавно «живой» артист не имел права появляться в спектакле, а когда он вернулся на сцену театра — куклы сравнительно недавно. А ведь это и бурное и яркое участие в античных традициях, поэзия в средневековой традиции, и современная, и даже, а потом появилась на широкой Broadway комедия, которая и в наши дни, и в нашей, хохотал, спорил, и первый же спектакль актер работал с куклой и без куклы. Это очень важно. Ответить на этот вопрос — театр поставлен в более сложную задачу, чем в наше время. И драматургическое средство с куклой обостряет все творческие процессы. Кукла — это и есть драматургическое средство, если она делается, — сейчас не только способ

спектакля. Он ведет действие в стремительном темпе, у него точный и умный глаз, его интонация, его музыкальное образно и музыкально. Но при всем этом он должен увидеть своих жестов, зритель, что характерней — хулиган, махал, бандит, опасный, воистинствующий человек, словом, лицо открытое.

Очень радостно, что у Евгения Терлецкого достойные персонажи. Мне глубоко понравилась работа Владимира Шульги в «Айболите». Сколько средств у Бармалаев! А если Айболит, твою главное оружие — самоограничение в средствах. У него нет эффектных сцен, броских постановочных постановок, ярко сверкающих глаз. Он богат глубокой внутренней жизнью. Я бы определила его человеческую сущность, как глубокого иньщество души. И изящество не только в глубокой постановочности, в бесконечном хлелате, который сядит на нем, как сморлинг, в собранности движений. Изящество — как требовательное отношение к миру. Ему просто больно видеть, как вступают разрывы Бармалаев внешне и внутренне. Как он неоспитан духовно, как мелочен, вздорен, нахален. Ты несчастный человек», — скажет ему Айболит. Органиченность духовной жизни, умение возмущаться, протестовать, это, с точки зрения Айболита, примерно как уметь: Бармалаев для него духовный калака. К концу спектакля мы понимаем, что этот доктор — человек строгий, принципиальный, интеллигентный, человек, разумеется, Салазариано, пусть же на помощь тому, кто в ней нуждается. Это жизненное его кредо. А еще он так красиво работает, так профессионально не делает свое дело, что даже Бармалаев увлечен и ним и забывает.

— Ножи — командуют во время операции Айболит.
— На! — проталиваем ему спорная свое оружие Бармалаев.
Становится ясно, что перед